

Написать письмо Гу Циньхуану оказалось невероятно сложно. Во-первых, это было личное послание, и, естественно, нельзя было воспользоваться срочной почтой, поэтому Шэнь Цяньхэ пришлось найти на дороге лавку, чтобы отправить его. Во-вторых, Шэнь Цяньхэ долго ломал голову над адресом Гу Циньхуана и в конце концов, по подсказке Гунлянь Цзэ, устроившись у него на спине, размашисто вывел три иероглифа:

Павильон Юньшао.

Это было одно из южных заведений в столице.

У каждого в этом мире свои склонности, и пристрастие к мужчинам не считалось чем-то постыдным, но среди чиновников так открыто, как Шэнь Цяньхэ и министр доходов Гу Циньхуан, этого не делал больше никто.

Любовные интриги были излюбленной темой для пересудов среди сановников. По логике вещей, Гу Циньхуан и Шэнь Цяньхэ, один активный, другой пассивный, поступившие на службу в одно время и, казалось бы, отлично подходящие друг другу по внешности, должны были бы быть парой, уготованной самим небом. Но в реальности всё было иначе — при каждой встрече они непременно ссорились. Один обвинял другого в мелочности и скаредности, другой же называл первого ленивым и нерасторопным.

Эта многолетняя война началась в год, когда они оба приехали в столицу на императорские экзамены. Поднимаясь по ступеням, Гу Циньхуан нечаянно споткнул Шэнь Цяньхэ, а тот, падая, ухватился за его одежду и разорвал её. В итоге Шэнь Цяньхэ предстал перед покойным императором с шишкой на лбу, а Гу Циньхуан — в полуразорванном халате, пропускавшем ветер.

В тот год оба остались без звания первого учёного.

Видимо, именно тогда и зародилась вражда.

После того как Шэнь Цяньхэ понизили в должности, господин Гу стал ещё более самодовольным и сияющим от счастья, так что, казалось, ему только и оставалось, что каждый день ставить у дома Шэнь Цяньхэ сцену и распевать что-нибудь вроде «Господин Гу возвышается, а негодяй Шэнь падает в грязь». Или же закатывать пиршества на девяносто девять столов, приглашая доблестных героев из Пяти врат и восемнадцати сект, чтобы те ели и пили несколько дней и ночей кряду, выражая таким образом свой восторг.

А на это новое назначение Гу Циньхуан отреагировал с такой радостью и ликованием, что, казалось, ему не хватало только праздничного фейерверка.

Шэнь Цяньхэ ничего не мог с этим поделать. Как говорится, встретившись на узкой дороге, не разъехаться. Поэтому ему оставалось лишь отвечать десятками презрительных взглядов, чтобы сохранить достоинство.

Несмотря на это, Шэнь Цяньхэ всё же верил, что Гу Циньхуан поможет ему в этом деле. В конце концов, служба есть служба, а личные счёты можно отложить и на потом.

Вернёмся к делу. Письмо Шэнь Цяньхэ неспешно добралось до Гу Циньхуана лишь в конце августа.

...

Столица, Павильон Юньшао.

Опьянённый мягким туманом, среди фиолетовых занавесей, благоухающих мускусом и орхидеями, он видел несколько светящихся беседок, в которых не было и тени человеческой печали.

— Как же сегодня у господина нашлось время? — Гун Люэр, подав только что севшему Гу Циньхуану чай, с улыбкой положил руки ему на плечи и начал их разминать.

Гун Люэр был главной звездой Павильона Юньшао. Его чарующая внешность, невероятно гибкий стан, а также мастерское исполнение песен, от которых, казалось, дрожали балки, и талант, превосходивший всех современников, принесли ему славу на всю столицу.

Но что ещё важнее, весь город знал, что он был человеком министра доходов Гу Циньхуана.

— Люэр, ты на меня дуешься? — Между бровями Гу Циньхуана залегло утомление, но оно не могло скрыть его природной элегантности, подобной сосне и бамбуку под ветром. — Виноват, что так долго тебя не навещал.

— О чём вы, господин, говорите? Как я смею дуться? В вашем сердце для меня и места-то нет.
— Гун Люэр, приподняв изящную бровь, словно фокусник, достал из-за пазухи письмо и тонким голосом произнёс:

— Только что у входа появился красавец, который настаивал, чтобы это письмо лично вручили вам. Такая спешка... Господин, скорее откройте, посмотрите, кто же это из ваших милых.

Гу Циньхуан с улыбкой взял письмо, скользнул взглядом по имени, слегка нахмурился, вскрыл конверт и, пробегая глазами по строчкам, сказал:

— Это не из числа моих милых.

Гун Люэр, будучи по натуре ребёнком, надул губки и снова прильнул:

— Тогда кто же это такой, что так скрывается? Неужели какой-то простолюдин, не стоящий упоминания?

Гу Циньхуан тронул уголок губ:

— Не совсем.

— Старый друг, с которым вы помирились?

Шэнь Цяньхэ, писавший тогда на спине у Гунляня Цзэ, лишь торопился, отчего почерк вышел невероятно неразборчивым. Гу Циньхуан, едва дочитав до половины, рассеянно ответил:

— Не скажу.

— Друг, готовый за вас жизнь отдать?

Гу Циньхуан на мгновение задумался, и в его глазах мелькнул слабый свет:

— Больше.

Гун Люэр, почувствовав, что ответы Гу Циньхуана слишком двусмысленны, вспылал

ревностью и хотел было пристать с расспросами, но тут Гу Циньхуан сунул письмо за пазуху, поднялся и сказал:

— У меня срочные дела, как-нибудь ещё загляну.

— Господин...

Гу Циньхуан только что откинул занавеску, и висевший на балке колокольчик зазвенел. В этот момент слуга Гун Люэра, Юаньтао, нёс еду. Увидев выходящего Гу Циньхуана, он поспешил посторониться и слегка поклонился, обнажив нежный розовый участок шеи:

— Господин Гу.

Гу Циньхуан кивнул, быстро окинул Юаньтао взглядом и тихо произнёс:

— Таоэр, попрос.

Не дожидаясь ответа, он большими шагами удалился.

Юаньтао на мгновение задумался, но не придавал этому значения. Войдя в комнату, он увидел, что Гун Люэр сидит надувшись, и тут же расплылся в льстивой улыбке:

— Братец, как давно вы с господином Гу знакомы?

— А тебе какое дело? — Впервые Гун Люэр не смог удержать Гу Циньхуана, и ему было неловко, поэтому он и не думал скрывать своё раздражение. — Господин Гу мой!

Юаньтао поставил посуду и, подобострастно ухмыльнувшись, сказал:

— Конечно, ваш. Я просто подумал, что господин Гу такой красивый и так хорошо к вам относится, мне аж завидно стало.

Гун Люэр снова фыркнул и скрестил руки на груди:

— А почему он тогда сегодня ушёл?

— Господин Гу занят государственными делами, но навещает вас каждые два-три дня. Кто ещё в столице осмелится так дуться на господина Гу, кроме вас? Он вас и впрямь на руках носит!

Только тогда лицо Гун Люэра немного смягчилось, и он вернул себе обычную вызывающую надменность:

— Иди сюда, помассируй мне ноги!

— Слушаюсь. — Юаньтао прищурился и звонко откликнулся.

...

В Зале Куропатки царила тишина, нарушаемая лишь редкими всполохами азарта. Воздух был густ от чайного аромата и лёгкого тумана. Куда ни глянь — все сидели, сгрудившись за столами, сосредоточенные и серьёзные. Посетители были разного роста и телосложения, но все без исключения были одеты в роскошные шёлковые одежды, с веерами и нефритовыми подвесками, сохраняя достойный вид перед лицом азартных игр.

В этом и заключалось отличие Зала Куропатки от других игорных домов — здесь царила редкая тишина, и на первый взгляд он больше напоминал изысканный чайный домик.

Шэнь Цяньхэ, проведший здесь уже больше полумесяца, чувствовал себя изрядно уставшим. Сейчас он, прислонившись к плечу Гунлян Цзэ, играл с его прядью волос. Похоже, у Цзян Жухуаня были семейные дела, и его не было видно уже несколько дней. Шэнь Цяньхэ чувствовал себя обделённым, ведь Цзян Жухуань был его единомышленником, но удерживать того, кто хочет уйти, бесполезно. Теперь ему приходилось коротать время с молчаливым, как тыква-горлянка, Гунлян Цзэ.

Гунлян Цзэ, будучи молодым и полным сил мужчиной, от того, что Шэнь Цяньхэ так к нему прильнул, да ещё и после нескольких дней такого общения, чувствовал, как внизу живота разгорается огонь, который едва удавалось сдерживать. Ему прямо-таки хотелось сейчас же, отбросив все условности, развлечься с тем, кто сидел рядом:

— Юаньчжу, если ты будешь так двигаться, мы проиграем.

Шэнь Цяньхэ надул губы, находя Гунлян Цзэ невероятно скучным. В последние дни Гунлян Цзэ когда проигрывал? Зато он сам, будучи занятым игроком, если продолжит в том же духе, боялся, что не отдаст долги, даже служа в мире мёртвых. Шэнь Цяньхэ внезапно ощутил несправедливость мироустройства: все люди созданы одинаковыми, так почему же в везении между ними такая пропасть? Он отодвинулся от Гунлян Цзэ подальше. Гунлян Цзэ, заметив, что Шэнь Цяньхэ, похоже, на него обиделся, к своему удивлению тихонько рассмеялся, затем переложил карты в другую руку, а освободившейся обнял его.

Шэнь Цяньхэ, ничего не подозревая, оказался крепко зажатым в его объятиях.

Как раз в этот момент с другой стороны раздался неторопливый голос:

— Брат Гунлян, ваше мастерство в картах поистине выдающееся. В Зале Куропатки, кажется, не найдётся никого, кто мог бы с вами сравниться.

— Не стою таких похвал. Мне, Гунляну, просто везёт, да и всё благодаря заботе брата Цзуна.

Цзун Юань на том конце широко улыбнулся, обнажив ряд белых зубов, затем отложил карты, со щелчком раскрыл лежавший рядом складной веер и прикрыл им нижнюю часть лица, отчего родинка в уголке глаза стала выглядеть особенно пикантно. Он скользнул взглядом по Шэнь Цяньхэ, всё ещё пытавшемуся вырваться из объятий Гунлян Цзэ, и сказал:

— Братец, вы скромничаете. В мире все знают, что Зал Куропатки — место для азартных игр, но мало кто ведаёт, что в городе Цинпу есть ещё одно дивное заведение.

Этот самый Цзун Юань и был единственной находкой Шэнь Цяньхэ и Гунлян Цзэ за те несколько десятков дней, что они провели, затаившись в Зале Куропатки. Личность этого человека была окутана тайной, он был щедр и пользовался большим уважением окружающих.

* «Считать дрова для печи и зёрна для еды» — идиома, описывающая крайнюю мелочность и скудость (здесь Шэнь Цяньхэ намекает, что Гу Циньхуан — скряга).

* «Дружба простолюдина и знатного» — Гун Люэр спрашивает, не является ли отправитель письма простолюдином.

<http://bllate.org/book/16134/1444642>